

191

ПОЦЕЛУЙ

МИШЕЛЬ СМАРТ

Эхо неугасшей любви

HARLEQUIN®

KISS™

Поцелуй – Harlequin

Мишель Сمارт

Эхо неугасшей любви

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Смарт М.

Эхо неугасшей любви / М. Смарт — «Центрполиграф»,
2021 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-10185-3

Керен с детства мечтала о дальних странах и, как только окончила школу, отправилась путешествовать. Свои впечатления она выкладывала в Интернет и даже неплохо на этом зарабатывала. Однажды Керен познакомилась с красавцем Яннисом. То, что он наследник богатой аристократической семьи, не помешало молодым людям полюбить друг друга и пожениться. Родители мужа приняли Керен, несмотря на ее простое происхождение. Жизнь складывалась счастливо, но все изменилось, когда супруги потеряли дочь. Отношения разладились. Керен казалось, что муж не разделяет ее боль и слишком много внимания оказывает своей помощнице...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-10185-3

© Смарт М., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мишель Смарт

Эхо неугасшей любви

Stranded with Her Greek Husband

Copyright © 2021 by Michelle Smart

«Эхо неугасшей любви»

© «Центрполиграф», 2023

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2023

Глава 1

Спокойные воды Эгейского моря, которые Керен Барридж рассекала на своей тридцатичетырехфутовой яхте «София», служили полнейшим контрастом с ее внутренним состоянием. Буря внутри ее нарастала с тех пор, как на горизонте показался остров Агон.

Повинуясь привычке, она выпустила штурвал и быстро намазала кремом от загара лицо и видимые части тела. После того как сильно обгорела на Бермудах и страдала от боли, она всегда держала на яхте месячный запас крема от загара. Керен была не из тех, кто регулярно наступает на одни и те же грабли. Хватило всего одного ожога; она следила за тем, чтобы во второй раз с ней такого не случилось.

И все же сегодня ей было больно. Боль была неизбежной.

Легкий бриз наполнил паруса. «София» быстрее помчалась вперед. И сердце у Керен тоже забило быстрее.

Показались знакомые места. Вон дворец короля Агона... Неподалеку развалины когда-то величественного храма третьего тысячелетия до нашей эры... Везде она побывала, все казалось знакомым. Тогда она думала, что остров навсегда станет ее домом.

Вот и небольшая бухта, а на холме над ней – внушительная белоснежная вилла. Красивая вилла заманчиво сверкала в лучах восходящего солнца. Заманчиво? Обманчиво!

Керен совсем не тянуло туда. Ее бы воля, она бы больше никогда не видела эту виллу. Однако ей предстоит всю жизнь расплачиваться за свои ошибки...

С левой стороны бухточки в почти отвесной скале был вырублен небольшой причал. Издали могло показаться, что он естественного происхождения. Она сразу узнала пришвартованный там катер, размерами чуть больше ее «Софии». Катер предназначался исключительно для доставки владельца виллы на его суперяхту, стоящую в главном порту Агона.

Пришвартовавшись, Керен пристегнула к поясу сумку со всем необходимым, а затем осторожно подрезала стебли розовых лилий, которые бережно и с любовью вырастила в горшке.

С лилиями в руке она босиком шагнула на причал.

Пора!

Она спрыгнула на белоснежный пляж, красивый, как многие пляжи, на которых она побывала за полтора года странствий по морям. Мелкий теплый песок щекотал ступни, пока она брела к вырубленным в скале пологим каменным ступенькам, которые вели к вилле. Чем ближе подходила к лестнице, тем труднее было переставлять ноги и тем тяжелее становилось на душе.

Наверху в высокой стене, служившей преградой от незваных гостей, имелась широкая металлическая калитка.

Перед ней калитка распахнулась автоматически, как она и ожидала. После того как ее яхта вошла в бухточку, за каждым ее шагом следила целая армия камер видеонаблюдения. Безликие охранники, управлявшие камерами, знали, что ее нужно впускать без лишних вопросов. В этом отношении Яннис, надо отдать ему должное, держал слово.

Виллу окружал обширный ухоженный парк. Керен шла по тропинке мимо плавательного бассейна и площадки для отдыха. Она не останавливалась. Нельзя, чтобы воспоминания причиняли боль или мешали двигаться вперед.

В уединенном углу парка росло персиковое дерево – единственное, к которому не подключили камеру. Прошло почти два года с тех пор, как они его посадили; оно уже выросло настолько, чтобы приносить плоды. Ветки были усыпаны созревающими персиками. Под деревом стояло гранитное надгробие в виде ангела. На нем по-английски и по-гречески были вырезаны слова «София Филипидис». Керен опустила на колени.

Кто-то совсем недавно поставил в вазу у надгробия свежесрезанные цветы. Керен присоединила к ним свои лилии, склонила голову и помолилась за упокой души дочери. А потом стала разговаривать с ней. Рассказала о том, где побывала. О людях, с которыми познакомилась. О цветах, которыми любовалась. О новых блюдах, которые попробовала. Разговор с дочкой казался естественным, как будто София могла участвовать во всем, чем жила ее мать. София занимала огромное место в сердце Керен.

Закончив рассказ, Керен снова посмотрела на персиковое дерево. Они выбирали его вместе. По китайской традиции персиковое дерево символизирует жизнь, а его плоды – бессмертие. Их дочь так и не задышала самостоятельно, но благодаря этому дереву память о ней будет жить.

– Я знал, что сегодня ты придешь.

Ее раненое сердце екнуло, и она закрыла глаза.

Керен полтора года не видела мужа, с которым они проживали отдельно. Все общение шло только через адвокатов.

Если бы он подошел к ней в один из ее предыдущих приездов, она бы напонила об их уговоре. Он обещал пускать ее сюда всякий раз, когда ей захочется поплакать на могиле дочери.

Сделав глубокий вдох, она встала на ноги и развернулась к нему лицом:

– Здравствуй, Яннис!

На нее смотрели его поразительно ясные голубые глаза. Сердце у нее снова екнуло, а потом словно расширилось, и ей стало трудно дышать.

Он глубоко вздохнул, расправил широкие плечи, и Керен стало больно. Потом он шагнул вперед и остановился с ней рядом.

Они молча постояли у надгробия, а потом он коснулся ее руки. Их пальцы сплелись. На короткий миг горе объединило их.

Впервые они прикасались друг к другу с тех пор, как стояли на том же месте и прощались со своим новорожденным ребенком. Если бы София осталась жива, сегодня ей исполнилось бы два года...

Ненадолго сжав Яннису пальцы, Керен осторожно высвободилась и обхватила себя руками.

– Как у тебя дела?

– Нормально... – Он склонил голову. – А у тебя?

– Нормально.

– Хорошо.

Снова молчание.

Когда-то они без труда находили темы для разговоров. Правда, это было очень давно.

Керен сделала шаг назад:

– Мне пора возвращаться на яхту.

– Не хочешь чего-нибудь выпить?

Она крепче обхватила себя за плечи.

– По-моему, это не слишком хорошая идея.

– Я кое о чем хочу с тобой поговорить.

– Действуй через адвокатов. – Как было после того, как она ушла от него.

– Не все можно сделать через адвокатов. – Яннис сунул руки в карманы и ссутулился. –

Останься ненадолго. Пообедай со мной. Давай поговорим... а после я подпишу все бумаги.

Керен резко развернулась к нему. Вот уже три месяца она ждала, что Яннис подпишет бракоразводные документы и финансовое соглашение.

– Они у тебя здесь? – спросила она.

– Заперты в сейфе.

Неужели все действительно так просто? Один разговор, и все официально будет кончено? Либо его смягчила торжественность сегодняшнего дня, либо просто надоело играть с ней в кошки-мышки.

За полтора года с тех пор, как она его оставила, от великодушной щедрости, которой Яннис, по его же давнишним словам, хотел ее окружить, ничего не осталось.

Она без борьбы согласилась на все его предложения. Потом он вдруг передумал и урезал обещанные ей выплаты наполовину. А потом еще наполовину. И еще...

Замок в Провансе и особняк в Милане, «астон-мартин», «мазерати»... всем этим помахали у нее перед носом и отобрали.

Теперь осталась лишь капля от его первоначального предложения, но Керен было уже все равно. Пусть забирает все!

Она ни за что не боролась. Даже когда адвокат умолял ее одуматься, уверяя, что по закону ей причитается во много раз больше того, на что она согласилась.

Керен не хотела бороться. Ей было все равно. Пусть Яннис радуется, думая, что одержал над ней верх. И не важно, что говорит закон. Они были женаты всего год и два месяца. Ей не хотелось от Янниса ничего, кроме права время от времени навещать могилу их дочери.

– Ладно. Можно поговорить. – Она смотрела на надгробие дочери. – Но не сегодня, – тихо добавила она. Она не станет ссориться в день траура. Сегодня день Софии.

Яннис либо чувствовал то же самое, либо понял ее, потому что склонил голову и тихо предложил:

– Оставайся в бухте на ночь, а утром позавтракаем на террасе у бассейна.

– Хорошо.

– У тебя на яхте есть еда? Может быть, распорядиться, чтобы тебе принесли обед и ужин?

– Спасибо, у меня есть все, что нужно. – Может быть, он и правда смягчился по отношению к ней. Может быть, разговор, который он стремится затеять, – предложение мира. Может быть, он хочет извиниться...

Ее губы изогнулись в грустной улыбке. Яннис никогда в жизни ни за что не извинялся.

Он снова склонил голову:

– Увидимся утром.

Керен подождала, пока он скроется из виду, а потом вернулась в бухту.

Стоя на транце, Керен выливали воду из импровизированной стиральной машины. Вдруг ее внимание привлекла фигура на пляже.

Зачем он пришел? Точно не ради того, чтобы ее увидеть. Они ведь договорились встретиться завтра утром!

Но ведь это Яннис, напомнила себе она. Человек, на чье слово нельзя положиться... в основном.

Он вошел в воду. Керен делала вид, что не замечает его.

Привинтив шланг, она достала из бака мокрую одежду и переложила в пластиковое ведро.

Хотя Яннис находился довольно далеко, ей вдруг показалось, что она беззащитна. Вернувшись на яхту, она переделась из простого летнего платья в желтое бикини, а вокруг талии обвязала крошечный синий саронг, который почти не скрывал ягодиц.

Керен прикусила губу. Пока она была замужем за Яннисом, ей часто приходилось переодеваться по его просьбе. Он говорил, что выбранные ею самой наряды «не слишком подходят для того, куда мы идем, *glyko tou*»¹.

– Что ты делаешь?

¹ Моя сладкая (*греч.*).

Почему она вздрагивает от его голоса? Ведь она старательно делала вид, будто не замечает, как он плывет к яхте... Она и сама не знала.

– Вешаю выстиранное белье.

– У тебя есть стиральная машина?!

Керен постучала по переделанному баку.

– Это и есть твоя стиральная машина?

– Да. На дне бака камни. Положи грязную одежду, добавь стиральный порошок, налей воду и поставь парус. На волнах все отлично отстирывается. Одежда выходит чистая и свежая. – С чего она вдруг разболталась? Наверное, сильно нервничает. И потом, ей хочется доказать, что его второе неожиданное появление за день ее нисколько не беспокоит.

Как можно сохранять озадаченный вид, находясь в воде? Керен была слишком хорошо знакома с таким выражением лица; обычно оно появлялось, когда она делала что-то, недоступное его пониманию.

– Разве не проще подключить обычную стиральную машину?

– Не проще. Она занимает слишком много места и потребляет слишком много электричества. Кроме того, если она сломается, в открытом море не слишком много мастерских по ремонту.

Судя по всему, ее слова его не убедили.

– Можно к тебе? – спросил Яннис.

Керен сделала глубокий вдох. Спокойствие, только спокойствие!

– Мы ведь условились, что поговорим завтра.

– Знаю, но мне интересно взглянуть, как ты живешь. Я ненадолго.

Она решила: если визит затянется, столкнет Янниса за борт.

Вымученно улыбаясь, она сбросила ему веревочную лестницу.

Яннис без труда взобрался наверх и перелез на палубу. С него стекала соленая вода; ручейки текли по завиткам черных волос на его мускулистой, бронзовой груди и змеились по мускулистому животу к резинке черных плавок.

Керен отвернулась, достала из ведерка мокрую футболку и принялась выжимать, заставляя себя не глядеть на Янниса. То, что у него фантастическое тело, для нее не новость. Она ведь была за ним замужем, и они спали в одной постели почти каждый день после первой встречи...

Ей не удалось достаточно быстро прогнать воспоминания; внизу живота запульсировала сладкая боль. Она инстинктивно ухватилась за поручень.

– Тебе помочь? – Его низкий голос раздался совсем рядом с ее ухом, и она вздрогнула от неожиданности.

– Нет. Спасибо. – Керен сделала шаг в сторону и указала на открытый люк. – Спускайся, осмотрись, – предложила она.

Осмотрись и уходи.

– Разве ты не хочешь, чтобы я сперва обсох?

– Мы на яхте. Она часто намокает. Главное, ни на что там не садись.

– Здесь твой дом. – Он пожал плечами и спустился в кокпит.

Когда Яннис скрылся из виду, она вздохнула свободнее. Постаралась взять себя в руки и продолжила вешать выжатую одежду на натянутую веревку.

Из люка показалась голова Янниса.

– У тебя на камбузе есть духовка.

– Да.

Он соорудил гримасу, словно говорившую: «Я впечатлен», и снова скрылся внизу.

Отсутствовал он недолго.

– У тебя и холодильник есть!

– Ух ты! А я и не знала.

Он сверкнул белозубой улыбкой и снова скрылся внизу.

Среди одежды, которую нужно было развесить, имелось и нижнее белье. Она представила, как Яннис увидит ее трусики на веревке. Почему по спине побежали мурашки, а внутри все сжалось? Нижнее белье, только и всего. Трусики носят все – точнее, почти все. Стыдиться тут нечего.

Внутри у нее снова запульсировало, напомним, сколько раз он срывал с нее трусики. Иногда зубами...

Потом она подумала: ее практичное нижнее белье наверняка покажется Яннису уродливым и несексуальным. Поэтому из чувства противоречия она решила не прятать его, а повесить на самом видном месте.

Кому какое дело, что он думает? Во всяком случае, ей все равно. Особенно сейчас.

К тому времени, когда она закончила развешивать белье, Яннис еще бродил по кокпиту и камбузу, хотя у него не было никаких причин там задерживаться.

– Ты еще не все осмотрел?! – крикнула она, склонившись над люком. Она не собиралась спускаться и оставаться в ограниченном пространстве наедине с Яннисом.

– Я всего лишь завариваю нам кофе! – крикнул он в ответ.

Керен стиснула зубы и глубоко вздохнула. Сегодня не стоит позволять себе злиться.

– Ты ведь сказал, что ненадолго.

Если он ее и слышал, то притворился, будто не слышит. Скоро до нее донесся его голос:

– Растворимый кофе подслащивают?

– Нет.

– Нигде не могу найти сахар.

– Я разрешила тебе осмотреться, а не рыться у меня на камбузе.

– Как мне найти сахар, если я не буду смотреть? – От его рассудительности ей захотелось разрядить в него огнетушитель.

– Сахар в шкафчике рядом с холодильником, в сине-белом пакете. На нем написано «Сахар». Кстати, тебе уже приходилось заваривать кофе? – Предки Янниса принадлежали к числу основателей Агона. Его родные считались местной знатью, они близко дружили с королевской семьей Каллиакис. Яннис учился в той же английской школе-интернате, что и сам король и два его младших брата, хотя и несколькими годами позже. Выросший в невообразимом богатстве, он дожил до тридцати четырех лет без необходимости заниматься домашним хозяйством.

– Неужели готовить кофе так трудно?

Керен с трудом удержалась от того, чтобы не заскрипеть зубами. Чтобы отвлечься, она опустила тент, создававший тень над маленьким столиком, и села на одну из скамей.

Она пришла в ужас, сообразив, что ноги у нее дрожат, хлопнула себя ладонями по бедрам и приказала себе успокоиться.

Горе, завладевшее ею у могилы дочери, и сознание того, что и Яннис, должно быть, в такой день тоже страдает, заставили ее немного смягчиться по отношению к нему. Керен снова разозлилась, когда он неожиданно появился к ней на яхту. Она думала, что у нее будет целый день на то, чтобы подготовиться к завтрашней встрече с ним, но он застал ее врасплох, и сейчас ей хотелось свернуться клубком и отключиться от всего мира. Ни к чему испытывать такие сильные чувства. Ей не следует вообще ничего чувствовать по отношению к нему.

Керен уверяла себя, что все дело во внезапности. Прожив полтора года врозь, она увидела его вблизи, что стало ударом для ее нервной системы.

Все внутри ее сжалось, когда он наконец показался из люка, пригнулся, проходя под бельевой веревкой, и сел за столик. Придвинув к ней кружку с кофе, он изумленно покачал головой:

– Как ты ухитряешься жить в такой тесноте?

– Для моих потребностей вполне достаточно. – Боясь смотреть ему в глаза, боясь собственной чрезмерно бурной реакции, она отвернулась и посмотрела на спокойное, прозрачное море.

– Мой катер и то больше. – Яннис имел в виду катер, пришвартованный рядом с «Софией». Для Керен «катером» служил каяк. Она часто вставала на якорь в море, не заходя в марину, пересаживалась в каяк и гребла до самого берега.

Правая нога у нее снова задрожала. Она скрестила лодыжки, надеясь, что он ничего не заметит.

– Предпочитаю содержание форме.

– Это намек?

– К сожалению, да. По-моему, тебе лучше всего выпить кофе и уходить. Сегодня я не хочу с тобой ссориться. – По крайней мере, ей удалось сдержать голос. Хоть какое-то утешение.

– Я сегодня тоже не хочу ссориться, *glyko tou*.

– В таком случае будь любезен, пей кофе молча.

Яннис удобнее устроился на скамье и отпил маленький глоток. И сразу же поморщился:

– Боже, ну и гадость!

Керен сжала кружку обеими руками, чтобы он не заметил, как они дрожат. Тоже отпила кофе. Он оказался чуть крепче того, к чему она привыкла, но вполне сносным.

– Нормальный.

– Просто кощунство называть это кофе. – Яннис выпил еще немного, чтобы убедиться в ужасном вкусе напитка. – Теперь я понимаю, почему его называют «растворимым». Растворимая гадость!

– Тогда почему бы тебе не вернуться домой и не попросить кого-то из слуг сварить тебе нормального кофе?

– Скоро уйду. У тебя в холодильнике и в шкафчиках почти ничего нет. Что ты будешь есть на ужин?

– Возьму что-нибудь из запасов.

– Где они?

– Хочешь сказать, что ты не раскрыл всех тайн моей тесной яхты?

– Можно еще посмотреть?

– Нет. Запасы я храню в рундуке на носу. А теперь, если ты не собираешься допивать кофе, можешь идти. Если хочешь допить, допивай и уходи.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Да. И если еще хоть раз вернешься до завтрашнего утра, уйду я.

– И не поговоришь со мной?

– Говорить хочешь ты, не я.

– Пока не поговоришь со мной, я ничего не подпишу.

– Думаешь, мне не все равно?

В его голосе проступила досада.

– Я думал, ты ждешь не дожدهшься, когда нас разведут окончательно!

Ей каким-то образом снова удалось сдержаться.

– Предпочитаю, чтобы нас развели как можно скорее, но, если придется еще немного подождать, ничего не поделаешь.

– Я могу и вообще отказаться что-либо подписывать.

– Можешь, – согласилась она с холодностью, которая не сочеталась с пылающим внутри ее пламенем. – Но даже если ты ничего не подпишешь, я все равно получу развод по законам Агона.

– Через десять лет.

– Через восемь с половиной, – возразила она. – Мы живем отдельно уже полтора года.

Они поженились на острове Агон и провели там всю недолгую совместную жизнь, поэтому расторжение брака должно было происходить по местным законам. В соответствии с ними, если один из супругов не дает согласия на развод, брак можно расторгнуть через десять лет после разъезда.

Мысль о том, что придется так долго ждать, чтобы избавиться от него, была невыносимой. Неужели он собирается так долго тянуть ей назло? Ну да, ведь после развода у него не останется больше средств ее мучить.

– И как ты жила эти полтора года?

– Завтра отвечу. – Керен встала и положила ладонь на столешницу, чтобы не пошатнуться. – Прошу тебя, Яннис, уходи. Твое присутствие меня злит, а сегодня я не хочу злиться. Нам обоим нужно погоревать, но вместе ничего не получится.

Это им никогда не удавалось.

Лицо у него напряглось. Чувственные губы поджались. Он не сводил с нее своих поразительных голубых глаз.

Керен заранее сгруппировалась, но ожидаемой колкости не последовало. Яннис резко кивнул, бросив: «Увидимся утром!» – встал и сошел с яхты на причал.

Только когда он скрылся из виду, она снова опустилась на скамью и плотно обхватила себя руками.

Глава 2

Керен проснулась вместе с птицами. Их щебет не утешал бурлящих в ней эмоций, которые не давали ей покоя даже во сне, до того, как она открыла глаза.

Яннис больше не возвращался, но достиг своей цели. Он нарушил покой, который она обрела в своем маленьком плавучем доме.

Спустя полтора года, в течение которых она решительно выталкивала его из своих мыслей всякий раз, как он пытался туда вломиться, Яннис без всяких усилий преодолел разделявший их барьер. Теперь она не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме него.

Когда они венчались, Керен нисколько не сомневалась в том, что они вместе навсегда. Когда она собралась уходить, ненавидела его с той же силой, с какой когда-то любила. И он тоже ее ненавидел.

«Ну и уходи, эгоистка несчастная!»

Этот прощальный выстрел прозвучал после того, как он зашвырнул ее чемоданы в багажник вызванного ею такси. Его голос по-прежнему звучал у нее в ушах. Он преследовал ее, потому что она не ожидала такой вспышки ярости из-за ее ухода. Она заранее предупредила его, что уходит; записка несколько месяцев висела на стене, а Яннис свободно читал на четырех языках.

Он тогда даже ударил в стену кулаком, да с такой силой, что, когда схватил ее чемоданы, костяшки кровоточили.

Керен считала: он пришел в ярость оттого, что она первая его бросила.

Потому что Яннис и сам собирался с ней развестись.

Подозревая, что муж сблизился со своей личной помощницей, красоткой Марлой, Керен влезла в его ноутбук – это было просто, ведь в качестве всех паролей он использовал ее второе имя, Джейн, и ее дату рождения. Она просмотрела его историю поиска. Яннис последнее время заходил на сайты юристов по бракоразводным делам.

Через три дня он взял с собой Марлу на официальный прием в королевском дворце.

Его поступок стал последней соломинкой, переломившей хребет их браку.

Местные журналисты сфотографировали Янниса и Марлу на приеме. Керен верила его словам – тогда еще по-прежнему верила. Яннис отрицал, что между ним и Марлой что-то было. И все же Керен не собиралась прощать ему тогдашнего унижения.

Подумать только, он перевернул все с ног на голову и пытался ее же сделать виноватой в том, что она не пошла с ним.

Возможно, между Яннисом и Марлой тогда ничего не было, но он очень хотел, чтобы было.

Он давно перестал желать Керен.

За полгода, прошедшие после того, как София родилась мертвой, он ни разу не приблизился к Керен. И хотя он больше не желал ее как женщину, постоянно требовал от нее отчета, где она была. Он пренебрежительно отзывался о ее работе. Пренебрежительно относился ко всему, в чем сам не принимал участия.

Керен освободила их обоих. Она бежала из золотой клетки, в которой ей стало душно, и освободила мужа от обета верности. После ее ухода он мог сколько угодно гоняться за Марлой и всеми, кто вызовет его интерес.

Сколько женщин у него было с тех пор, как она ушла? Керен понятия не имела. Она никогда не проверяла. Она не станет одной из тех, кто следит за мужьями и преследует их в Сети. Она выходила онлайн дважды в неделю, чтобы обновить блог и ответить на вопросы подписчиков. Среди них находились интересные люди. Несколько подписчиков неизменно откли-

кались на все опубликованные ею посты и задавали продуманные вопросы о жизни на море и о местах, в которых она побывала.

Кроме того, выходя онлайн, Керен читала письма от родителей и сестры. Вот и весь спектр ее присутствия в Интернете.

Она старалась расцветить письма родственникам и всегда прикладывала фотографии достопримечательностей и мест, которые посетила. Она всегда надеялась, что какое-нибудь место пробудит в них искру любопытства. В ответных письмах родители и сестра подробно писали о своей жизни, которая почти не менялась с тех пор, как Керен покинула Англию и отправилась исследовать мир. Это произошло через четыре месяца после того, как ей исполнилось восемнадцать. С тех пор прошло восемь лет. Сестру трижды повысили по службе, она вышла замуж. Они с мужем купили дом в том же городке, где жили родители.

Родственники напоминали Керен зебровых амадин, которых они разводили всю жизнь, сколько она себя помнила. Они довольствовались своим крошечным мирком и боялись всего, что находилось за его пределами. В детстве Керен жалела крошечных птичек; она считала, что они ненавидят свою, пусть и большую, клетку. Однажды, когда ей было восемь или девять лет, она открыла клетку и окно гостиной, когда никто не видел, и призывала птичек улететь. Одна села на подоконник, но дальше никто так и не улетел.

Керен всегда чувствовала себя подкидышем, кукушонком в гнезде Барриджей. Все ее близкие были довольны и счастливы в своем заточении, она же всматривалась сквозь прутья клетки и мечтала исследовать мир. В родительском доме на нее накатывала тоска.

К концу семейной жизни с Яннисом ей казалось, будто она попала в плен. Оба они угодили в ловушку.

На ее яхте имелось только одно маленькое зеркало над раковиной в крошечной ванной без окон. Только в него она могла кое-как посмотреться и понять, как выглядит. Керен редко смотрелась в зеркало, но в то утро, приняв душ и надев джинсовые шорты и ярко-красный шифоновый топ, она вдруг поняла, что с интересом рассматривает свое лицо. Яннис раньше называл ее красавицей, но Керен всегда казалось, что у нее слишком тяжелая нижняя челюсть, а нос маловат. Пожалуй, ее можно назвать хорошенькой, но не более того. Правда, ей нравились собственные глаза, темно-карие, почти одного цвета с волосами, которые она любила собирать в свободный пучок на затылке. Губы самые заурядные – не широкие, не узкие, не полные, не тонкие.

У Янниса роскошные губы, полные, чувственные, яркие от природы. В нем все красиво: голубые глаза, высокие скулы, лихо изогнутые черные брови. Густые темно-каштановые волосы, челка, которую он утром причесывал и которая неизменно падала ему на лоб к обеду или вставала дыбом, потому что он вечно поправлял ее пальцами. Крепкая шея. Благодаря высокому росту он одновременно выглядел стройным и сильным. Яннис был редкостью, мужчиной, чья красота подчеркивала, а не умаляла его мужественность. Именно его красота зачаровала ее.

Но чары всегда рассеиваются.

Пора в последний раз взглянуть ему в лицо.

Керен сделала несколько вдохов-выдохов и вышла на причал.

Яннис уже был на террасе, защищенной от восходящего солнца большой перголой, увитой и покрытой яркими цветами. Керен с наслаждением вдохнула их нежный аромат. Он ей нравился.

Яннис, одетый в мешковатые шорты песочного цвета и черную рубашку поло, встал, заметив ее приближение.

Сердце бешено забилося у нее в груди.

Он жестом пригласил ее садиться.

Она постаралась сесть как можно дальше от него. Когда она была влюблена, всегда садилась как можно ближе к нему. С каждой новой трещиной, какую давал их брак, она отодвигалась все дальше и дальше.

– Что бы ты хотела съесть? – вежливо спросил Яннис. На столе стояли кувшины с соком, водой и джезва с кофе.

– То же, что и ты. – Только в еде у них были общие вкусы. Они сходились во всем... за исключением растворимого кофе, подумала она, подавляя неожиданное желание улыбнуться, когда вспомнила его вчерашнюю гримасу.

Он подозвал к себе слугу, которого она не узнала, и быстро заговорил с ним по-гречески. Слуга скрылся за углом виллы – там находилась кухня.

Яннис налил в чашку крепкого черного кофе из джезвы и протянул ей. Она дождалась, пока он поставит чашку на стол, и только потом взяла ее и отпила глоток.

В первый раз она попробовала у Янниса кофе таким же ясным, погожим утром после их первой совместной ночи. Какой застенчивой и счастливой она была тогда! Застенчивой – потому что тогда впервые переспала с женщиной и лишилась дара речи. Счастливой – потому что та ночь оказалась волшебной. Керен так стеснялась, что не попросила сахара и молока, которые обычно добавляла в кофе. Правда, оказалось, что сахар в кофе уже есть. Она сразу же впала от него в зависимость.

– О чем ты хотел поговорить? – спросила Керен, испугавшись того, как легко к ней возвращались воспоминания. Ей не хотелось вспоминать хорошее. Сердце еще болело.

– Давай сначала поедим. Расскажи, как ты жила последние полтора года.

– Я жила хорошо.

Он насмешливо посмотрел на нее:

– Ты заставила меня дожидаться утра, чтобы задать этот вопрос, и теперь отвечаешь просто: «Хорошо»?

– Мне подходит жизнь на море. Так лучше?

– Ты много повидала?

– Кое-что.

– Не скучала по суше?

– Нет.

– Ты немногословна.

– Я согласилась поговорить с тобой о том, что ты не хочешь обсуждать через адвокатов.

На светскую беседу я согласия не давала.

– По-моему, наш разговор похож на то, как учатся ходить. Начинают с маленьких шажков и постепенно двигаются все дальше.

– Ходить я давно научилась, так что давай поскорее со всем покончим. После завтрака я возвращаюсь к себе на яхту и уплываю.

– Тебе так не терпится оказаться от меня подальше! Неужели моя близость лишает тебя присутствия духа?

– Да.

– Почему?

– Просто так.

– Отлично. Значит, я все еще оказываю на тебя какое-то воздействие.

Если бы он знал, какое мощное действие он по-прежнему оказывает на нее, его самомнение раздулось бы до размеров Луны.

Она ни за что не даст ему такого удовлетворения.

Меньше чем через час она отсюда уйдет. Ей нужно лишь продержаться какое-то время.

– Вижу, ты несколько не изменился, – заметила она.

– Я все тот же мужчина, в которого ты влюбилась, если ты об этом.

Сердце у нее болезненно сжалось, но она выпятила подбородок и многозначительно произнесла:

– И тот же, которого я разлюбила.

Его губы на миг сжались – почти незаметно. Потом он повернул голову, услышав шаги. Им принесли завтрак.

У Керен забурчало в животе, когда перед ней поставили свернутый в трубку омлет. Еще не попробовав, она поняла, что омлет пожарен с сыром и оливками. Ее любимый!

И Янниса тоже.

Скольким женщинам подавали завтрак в этой перголе с тех пор, как она ушла?

При последней мысли ее замутило.

Она отломил кусочек вилок. Если нужно, она впихнет омлет себе в глотку. Ни при каких обстоятельствах она не позволит Яннису думать, будто из-за него у нее пропал аппетит.

– Как поживают твои родители? – вежливо спросила она. Ей казалось, что после ее ухода Нина и Аристидис Филипидис спляшут от радости. Они обращались с ней по-своему мягко, но их брак явно не одобряли. Обычная англичанка, выросшая в пригороде; предки ее тоже были самыми обычными, заурядными людьми. К тому же она своенравна. Не такие женщины обычно входили в семью Филипидис.

– Хорошо. Сегодня они улетели в Афины – они устраивают завтра благотворительный вечер, а сборы пойдут в пользу детской онкологической больницы.

– Когда ты к ним присоединишься? – Родители Янниса занялись филантропией после того, как десять лет назад передали семейный бизнес двум сыновьям. Надо отдать им должное, они собирали огромные деньги; Керен знала, что они помогают многим благотворительным фондам. И все же от их филантропии ей делалось не по себе. Культурные различия между ней и Филипидисами были такими же огромными, как различия в богатстве и воспитании.

Она и в гнезде Филипидисов оказалась чужеродным элементом, таким же кукушонком, как в гнезде Барриджей.

– Я к ним не присоединюсь.

Она удивленно посмотрела на него и увидела, что он не сводит с нее глаз. Яннис и его брат всегда посещали благотворительные вечера родителей. Всегда! Кроме них, на подобных мероприятиях присутствовали дедушки, бабушки и прочие представители большой семьи Филипидис. Они так поступали.

Верно истолковав выражение ее лица, Яннис небрежно пожал плечами:

– Один раз обойдутся без меня. У меня другие планы.

Сердце у нее екнуло. Она положила в рот кусочек омлета и попыталась прогнать неожиданную боль.

Должно быть, вечером у Янниса свидание с любовницей. И не просто с любовницей, а с женщиной, по отношению к которой у него серьезные намерения. Настолько серьезные, что ради нее он готов подвести родителей.

Единственный раз он поступил так ради Керен через месяц после того, как они потеряли Софию.

В сердце у нее образовалась еще одна трещинка. Интересно, о чем же он хочет с ней поговорить? Объявить, что он собирается снова жениться? Этого следовало ожидать. Ему нужен наследник. Через пять месяцев после смерти Софии Яннис сел на край их супружеской постели, повернувшись к ней спиной, и спросил, когда она будет готова попробовать зачать еще одного ребенка. Тогда, чтобы не швырнуть какую-нибудь вазу ему в голову, она просто выбежала из комнаты. Она пришла в ярость, и сердце у нее разбилось. Как муж смеет задавать ей такие вопросы, если сам по ночам поворачивается к ней спиной?!

Он хочет испытать удовлетворение, увидев ее лицо, когда скажет, что нашел ей замену? А может, в нем проснулась человечность и он предпочитает, чтобы она узнала обо всем от него, а не от других? Судя по тому, как Яннис вел себя после ее ухода, скорее первое.

Яннису хотелось потешить свое самолюбие. Прежде чем подписать необходимые для развода бумаги, он ее помучает.

Она не позволит ему увидеть ее боль. Никакой боли вообще не должно быть. Она сама ушла от него и живет своей жизнью. Она три месяца училась ходить под парусом, а потом в одиночку отправилась в путешествие всей жизни – и ей все удалось.

Яннис не радовался ее успехам. Керен все прекрасно понимала. Он ожидал, что она приползет назад. Так он и крикнул, когда она села в такси и водитель тронулся с места:

– Ты еще вернешься!

Великий Яннис Филипидис, считавшийся одним из самых желанных холостяков на Средиземноморье до того, как на сцену вышла Керен, мужчина, который ведет такую роскошную жизнь, что его следует заключить в золотую рамку, пережил страшное оскорбление. Его бросила жена, которой стоило быть благодарной за то, что ее подняли на недостижимую высоту и приняли в семью Филипидис. Наверное, его самолюбие сильно пострадало. Керен давно подозревала, что именно пострадавшее самолюбие играет главную роль в его отношении к ней во время бракоразводного процесса.

– А твои родственники как? – спросил он так же вежливо, как она спрашивала о его семье, хотя с ними он встретился лишь однажды, на свадьбе.

Тогда в первый и единственный раз ее родители и сестра выехали за пределы Великобритании. Керен надеялась, что поездка разожжет в них страсть к путешествиям, но этого не произошло. Ее родным нравился привычный комфорт. В ее детстве Барриджи регулярно проводили ежегодный отпуск в том же домике в Дорсете год за годом, и занимались тем же, что и год, и два, и три года назад.

– У них все хорошо, – ответила она. Так оно и было. Ее родные счастливы и все так же влачат свои дни.

– Вот и отлично.

Она с трудом проглотила еще кусочек омлета, понимая, что атмосфера сгущается. Их как будто окутывало невидимое облако, насыщенное кипящим гневом и презрением. И болью. Горько было думать о любви, которая перешла в ненависть, и о мечтах, которые обратились в прах.

– Почему ты сменила фамилию? – вдруг спросил он сдавленным голосом, не похожим на беззаботную речь врасяжку, и Керен невольно посмотрела ему в глаза, не успев опомниться.

– Ты о чем?

– О твоём блоге.

Омлет застрял у нее в горле.

Блог Керен о путешествиях – можно сказать, благодаря ему они и познакомились. Уехав из дома, Керен не взяла с собой ничего, кроме рюкзака с одеждой, телефона, наличных, сэконовленных с двенадцати лет, и ноутбука – прощального подарка от испуганных родителей. Она создала блог в первом хостеле первой страны, куда прилетела – Таиланд, – и дважды в неделю начала публиковать новые материалы о своих приключениях, постила короткие видео и беззаботные обзоры тех мест, которые она посещала, и того, чем там занималась. К ее удивлению, вскоре у нее появились подписчики. Она получала столько откликов, что начала зарабатывать на своем блоге. Со временем посыпались приглашения от представителей крупных компаний со всего мира.

Яннису очень не нравилось, что она продолжила вести блог и после их свадьбы. Ему не нравилось, что иногда она не могла сопровождать его на приемы и прочие мероприятия, потому что у нее были другие дела.

– Керен, по закону мы с тобой все еще муж и жена.

– Это ненадолго, – прошептала она.

– Пока я не подпишу тот документ и судья не поставит на нем печать, ты по-прежнему Филипидис.

– Вообще-то я могу быть кем угодно, и, если я живу обычной жизнью, я могла бы по закону снова сменить фамилию на Барридж в тот же день, когда ушла от тебя. Я не вернула себе девичью фамилию только потому, что у меня нашлись занятия поважнее.

– Что не помешало тебе сменить фамилию в профессиональной сфере.

– А я думала, ты обрадуешься – вряд ли ты и твои родные счастливы, что великую фамилию Филипидис пятнает какая-то морская путешественница.

– Не вали все на меня. Будь честной в виде исключения и признай, что таким образом ты сама хотела меня запятнать.

Не в силах проглотить больше ни кусочка и не думая о том, что скажет Яннис, если она откажется от еды, Керен отодвинула тарелку и налила себе еще кофе. Оказывается, у нее дрожали руки. Внутри у нее тоже все дрожало.

Зубы она сжала так крепко, что слова вырывались с трудом:

– Когда мы поженились, я хотела сохранить свою фамилию, но ты буквально шантажировал меня и заставил выбросить четыре года, в течение которых я создавала себе имя и блог... Ты заставил меня взять твою фамилию. Поэтому... да, я вернула свою фамилию, но к тебе это не имеет никакого отношения. Я просто возвращала себе себя.

У Янниса перекоилось лицо. Будь он зверем, он бы, наверное, зарычал.

– Ты так говоришь, как будто я украл у тебя твою фамилию!

– Ты украл у меня все. С того мига, как надел мне на палец кольцо, ты начал меня менять.

– Ничего подобного я не делал.

– Нет, делал! Ты не одобрял... – Она осеклась, поправила волосы и машинально вскочила с места, уронив стул. – Ладно, забудь. Больше такого не повторится. Скажи, о чем хочешь поговорить, или я ухожу.

Яннис закрыл глаза и глубоко вздохнул. Потом посмотрел на нее. Лишь стальной про- блеск в голубых глазах указывал на то, что он отнюдь не беззаботен:

– Я хочу, чтобы мы попробовали начать все сначала.

Глава 3

Керен непроизвольно раскрыла рот. Внутри ее боролись противоположные эмоции. Они вскипали, пенились, бурлили, поднимаясь все выше. Наконец, высвободилась ярость.

– Ты жестокий, мстительный подонок! Неужели ты пошел на такой шаг, только чтобы помучить меня и заставить участвовать в одной из твоих извращенных игр?

А ведь она клюнула на его наживку! Решила, что он усомнился в своей правоте, и согласилась позавтракать с ним. Надо было догадаться, что он просто хочет еще немного ее помучить. Она была как мышка в когтях у кота; кот сжимает и сжимает, но не наносит смертельного удара, который навсегда покончит со страданиями жертвы.

– *Glyko tou*, я ни во что не играю, – с серьезным видом ответил Яннис. – Я хочу, чтобы ты вернулась.

– Ах... да прекрати! Ты в самом деле считаешь меня такой дурой? Думаешь, что я клюну? И ты действительно настолько надменен, что думаешь, будто я хочу вернуться к тебе?

Не сводя с нее пристального взгляда, Яннис медленно встал на ноги:

– Во мне говорит не надменность, а надежда.

– Ах, брось! Я знаю, как работают твои жалкие мозги – ты воображаешь, будто все это время я в глубине души жалела о том, что ушла от тебя! По-твоему, достаточно тебе произнести волшебные слова, и я с благодарностью брошусь тебе в ноги, а когда я это сделаю, ты дашь мне пинка и наконец удовлетворишь свое жалкое самолюбие. Ты хочешь прекратить наш брак на своих условиях. Скажи, ты подпишешь проклятые бумаги или нет?!

Яннис стиснул зубы и подался вперед. Кулаки он сжал так крепко, что побелели костяшки пальцев:

– Нет, пока ты не спустишься со своего пьедестала и не поговоришь со мной.

– Ну и ладно! Не подписывай. Оставайся мужем женщины, которую ты ненавидишь и которая ненавидит тебя! Тебе же хуже. Тем дольше не сможешь жениться снова и произвести на свет наследника, на которого ты так надеешься! Поступай так мне назло.

Глаза защипало, все перед ней расплывалось. Керен круто развернулась и бросилась бежать, пока он не увидел, что она плачет. По лицу катились злые слезы, ослепляя ее. Она не остановилась, даже споткнувшись. Поспешила восстановить равновесие и как можно быстрее зашагала к пляжу, к своей яхте. К свободе.

Крепко держась за перила, она сбежала по каменным ступенькам. Как только ноги коснулись песка, она побежала. Она находилась на полпути к причалу, когда вдруг сообразила: что-то не так. Смахнув слезы, она несколько раз моргнула, чтобы понять, что она видит.

А когда действительно все разглядела, сердце у нее едва не остановилось.

«Софии» на месте не было.

Когда Керен ворвалась на террасу, Яннис в темных очках сидел за столом. Он склонил голову, как человек, который наслаждается размышлениями в недолгие минуты покоя.

– Что ты сделал с моей яхтой?! – крикнула Керен.

– Я ее позаимствовал.

Она ожидала, что он будет все отрицать, скажет, что понятия не имеет, где ее яхта. Его же признание ненадолго лишило ее дара речи.

– Зачем? – с трудом спросила она наконец.

Он снял темные очки и устремил на нее пронзительный взгляд:

– Потому что по твоему вчерашнему поведению я понял, что ты не хочешь разговаривать со мной, как подобает взрослым людям.

– Значит, ты все спланировал на тот случай, если я не клюну на твою наживку.

– Никакой наживки, но ты права, я учел и... некоторые непредвиденные обстоятельства. Я действительно надеялся поговорить с тобой еще вчера, но, учитывая, какой вчера был день, с уважением отнесся к твоему нежеланию разговаривать.

– Настолько с уважением, что явился ко мне на яхту и украл ключи! – Море было таким спокойным, что невозможно было поднять парус, не запустив двигатель. – Наверное, ты поэтому так долго бродил там внизу?

– Я пришел на яхту, чтобы повидаться с тобой, посмотреть, как ты живешь, и убедиться, что на твоей яхте безопасно...

– Убедиться, что на ней безопасно?! – Керен снова пришла в ярость. – Ты по-прежнему такой же сексист и так же любишь все контролировать! Ты вбил себе в голову, что я...

– Ничего сексистского в моих поступках не было. – Яннис тоже слегка возвысил голос. – Последние полтора года я волновался за тебя, потому что ты скиталась по свету в плавучем гробу.

– Может, ты думаешь, я тебе поверю?!

– Ты моя жена! – Яннис стукнул кулаком по столу, отчего кофейные чашки звякнули о блюдца.

Сердце Керен сжалось.

– Я больше не буду твоей женой, как только ты прекратишь превращать мою жизнь в хаос и подпишешь проклятые бумаги!

– Не хочу я развода, будь он проклят! Я хочу, чтобы мы попробовали начать все сначала. Я хочу, чтобы мы поговорили и выяснили, нельзя ли как-то восстановить наши отношения...

– Но ведь ты меня ненавидишь!

У него на скулах заходили желваки. Тяжело дыша, он посмотрел ей прямо в глаза:

– Только иногда, *glyko tou*. Только иногда!

– Ну, а я ненавижу тебя все время.

– Когда-то ты меня любила.

От хрипотцы в его голосе ее глаза снова наполнились слезами. Керен отвернулась, надеясь, что он ничего не заметит. Она отчаянно старалась унять разрушавшие ее эмоции.

– Да, я украл ключи от твоей яхты, но ничего заранее не планировал, – более ровным тоном продолжал Яннис. – Я пришел к тебе вовсе не потому, что собирался украсть ключи, но когда я их увидел, то понял: вот шанс заставить тебя поговорить, пусть даже не совсем мирными методами... и я не упустил свой шанс.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – прошептала Керен.

– Знаю. После того как ты ушла, связаться с тобой стало невозможно.

– Не для тех, с кем я хотела по-прежнему сохранить связь.

– Это я тоже знаю. Вот почему я упорствую. Утром в понедельник ты получишь свою яхту назад.

– Через три дня?! Ты с ума сошел? Я не проведу здесь ни одной ночи.

– Нет, *glyko tou*, проведешь. Три дня на то, чтобы поговорить и решить, стоит ли нам попробовать начать все сначала.

– Я уже все решила! И ты тоже, так что прекрати притворяться и верни мою яхту!

– Нет.

– Отлично, в таком случае я иду... – Слова замерли у нее на губах; она похлопала себя по животу, и ее охватил ужас. Она сообразила, что сумки со всем необходимым у нее нет.

Впервые с тех пор, как она в одиночку вышла в открытое море, Керен покинула яхту без модной сумки, в которой она держала самое необходимое: паспорт, телефон и запас наличных на всякий случай.

– Куда ты пойдешь? – вкрадчиво спросил Яннис. – В полицию? На Агоне дела о краже между супругами не рассматриваются. Сейчас у тебя ничего нет, кроме того, что на тебе сей-

час надето. – Он скрестил руки на груди. Под ухом у него запульсировала жилка; затем он заметно расслабился. – Давай договоримся. Я подпишу бракоразводные документы сейчас же, но датировать их понедельником. Можешь взять их себе. Если к понедельнику ты по-прежнему будешь считать, что я с тобой играю, и не изменишь своего мнения о разводе, подписанные бумаги будут у тебя в руках, и ты сделаешь все, что захочешь.

Керен следом за Яннисом прошла в двойные двери, которые вели в главную гостиную. Так плохо ей не было с того дня, как она влезла в его ноутбук и узнала, что он изучает возможности развода.

Мышке дали передышку, но она догадывалась, что окончательный удар уже близок.

Яннис хотел с ней развестись. Яннис перестал заниматься с ней любовью. Яннис взял с собой на великосветский прием свою личную помощницу, прекрасно понимая, что событие будут освещать представители прессы.

Яннис так жестоко затягивал бракоразводный процесс, что, по словам ее адвоката, даже его адвокат возмутился, когда он в очередной раз передумал и снова урезал сумму финансового содержания.

Яннис хотел довести ее до нищеты. Наверное, думал, что она приползет к нему на коленях. Когда у него ничего не вышло и она не попала в его ловушку, он разозлился еще больше. Она возобновила свой блог под названием «Дневник морской путешественницы», и он пользовался еще большим успехом, чем ее первый блог. Керен зарабатывала достаточно, чтобы оплачивать свои скудные потребности и построить для себя скромное гнездышко. Она нанесла сильный удар по его самолюбию. Должно быть, он ужасно разозлился, что она зарабатывает достаточно и независима в финансовом отношении и ни разу не попросила у него ни за что платить.

Она ничего от него не хотела.

На самом деле Яннис вовсе не хочет ее вернуть. Его цель – сделать ей как можно больнее. Сейчас его последний ход; он бросает кости, желая отомстить за то, что ей хватило смелости бросить его первой.

Керен остановилась на пороге его кабинета, где он и двое слуг, приглашенных в качестве свидетелей, подписывали бумаги, которые он предварительно извлек из сейфа.

Когда с этим было покончено, Яннис отпустил слуг и передал ей два одинаковых документа.

Перед глазами у нее все расплывалось; впрочем, свою подпись она разглядела. Она сама подписала все документы три месяца назад, когда в последний раз навещала могилу Софии. Тогда она отвела яхту на другой конец острова, а утром доплыла до нужного места на каяке и посетила контору своего адвоката.

Керен ненадолго зажмурилась. Открыв глаза, она рассмотрела подпись Янниса. Такая же, как раньше. Рядом с подписью стояла дата: понедельник.

Через три дня она передаст бумаги своему адвокату и уплывет отсюда! Адвокат известит ее, когда судья скрепит документы своей печатью и оформит их развод официально.

Она будет свободна.

Почему у нее снова щиплет глаза? И почему так болезненно сжимается сердце?

– Сохранить их для тебя в сейфе?

– Нет. – Она тяжело вздохнула и покачала головой, стараясь не показывать слез.

– Код не изменился. Ты сможешь забрать документы в любое время.

– А ты сможешь в любое время изменить код.

– Ты мне не доверяешь?

– Я бы больше доверяла змею из райского сада.

Его тяжелый взгляд как будто проникал ей под кожу, и по спине у нее побежали мурашки.

– В таком случае я постараюсь за ближайшие несколько дней вернуть твое доверие, – медленно проговорил он.

Не сводя взгляда с документов, Керен аккуратно сложила их и сунула в задний карман своих шортов, снова мысленно выругав себя за то, что не взяла сумку. Как только сбежит от Янниса, она найдет где-нибудь поблизости сейф и спрячет их. Если повезет, она и для себя найдет подходящее укрытие на ближайшие три дня.

Она понятия не имела, как проживет три дня рядом с ним, не убив его и не сойдя с ума. А может, произойдет и то и другое.

– Пообедаем? – предложил Яннис, нарушая молчание.

– Я не хочу есть.

– За завтраком ты почти ничего не съела.

– Интересно, почему?

Он вздохнул и дернул себя за волосы:

– Неужели так тяжело разговаривать со мной вежливо?

– Вообще-то да.

– Будет легче, если я перед тобой извинюсь?

Она невольно посмотрела на него в упор:

– Яннис, я остаюсь на три дня, а не на три недели.

К ее удивлению, он расплылся в улыбке. Улыбка у него была по-прежнему обаятельная... и была наповал.

Она поспешила отвернуться.

Керен не хотела видеть его улыбку и вспоминать, как когда-то Яннис Филипидис с ее помощью очаровал ее.

Они встретились на открытии новой галереи современного искусства во дворце Агона, Яннис и его брат по просьбе короля курировали выставку. Во дворце имелись произведения искусства и артефакты прошлого тысячелетия, но нынешний король желал упрочить связь с двадцать первым веком.

Зная, что король стремится привлечь на остров более молодых и увлеченных клиентов, сотрудники отдела по связям с общественностью, отвечавшие за открытие галереи, связались с Керен и пригласили ее посетить вернисаж и написать обзор. Им было не важно, что она не была искусствоведом и за время своих странствий посетила всего две художественные галереи, ей привычнее было писать о каких-нибудь необычных барах, ресторанах и приключениях, вроде похода на слонах. Галеристы же стремились через нее достучаться до ее подписчиков. Ей оплатили перелеты, проживание в отеле и обещали полную свободу. Они не собирались как-то влиять на то, что она напишет в своем блоге. Так как Агон находился в списке мест, где Керен мечтала побывать, она с удовольствием приняла приглашение.

Она помнила, какой потрясающей ей показалась галерея. Помнила изысканные коктейли и канапе, которыми ее угощали сотрудники PR-отдела. Постоянный гул в ушах.

Но больше всего она запомнила невероятно высокого и невероятно красивого мужчину в щеголеватом костюме. Он стоял, прислонившись к стене, с бутылкой пива в руке, не обращая внимания на похотливые взгляды, которыми его окидывали присутствовавшие на вернисаже женщины. Все его внимание было сосредоточено на ней.

Керен приехала на Агон, собираясь провести там длинные выходные. Все кончилось тем, что остров на два года стал ее домом.

Человек, чье внимание она привлекла в тот вечер и за кого полгода спустя вышла замуж, и сейчас широко улыбался.

– Но ты ведь остаешься, – самодовольно заметил он.

– Вынуждена... Под давлением. И всего на три дня.

– Три дня – достаточно долгий срок, чтобы убедить тебя остаться. – Улыбка угасла. Яннис склонил голову. – Ты согласишься, если я извинюсь?

– Нет.

– Значит, сэкономлю силы и дыхание и дождусь того момента, когда ты мне согласишься.

– Не слишком экономь на дыхании, – посоветовала она. – А то задохнешься.

Улыбка вернулась.

– Но ты сделаешь мне искусственное дыхание?

Прежде чем она успела ответить, он прошел мимо, задев ее плечом, и она уловила аромат его одеколона. Она даже не сознавала, что прежде инстинктивно старалась не вдыхать этот аромат. Но было уже поздно.

Поджав пальцы ног в сандалиях, Керен закрыла глаза и постаралась прогнать из организма острую тоску.

Аромат всего лишь будит отголоски прошлого. Воспоминания.

Воспоминания, которые она убрала подальше, когда летела прочь из Агона.

– Где ты пряталась?

Керен, поднеся к губам бутылку с водой, закатила глаза, стараясь унять учащенное сердцебиение.

Выйдя из кабинета Янниса, она нарочно не последовала за ним на террасу, а отправилась на кухню.

К счастью, кухарка осталась прежняя. Она узнала Керен. После первого удивленного взгляда и крепких объятий она замаялась и застеснялась, когда Керен спросила, можно ли взять что-нибудь пожевать. Порывшись в холодильнике, Керен обнаружила приготовленный к вечеру десерт – огромную миску с шоколадным муссом. Яннис был шоколаголиком. Каждый день он проплывал по сто дорожек в бассейне и уверял, что за пятьдесят дорожек «отрабатывает» съеденный шоколад.

«Ну, держись! Ты угнал мою яхту, а я съем твой шоколад...»

– Поскольку мы с Яннисом еще муж и жена, я по-прежнему хозяйка на вилле, – сказала она смущенной кухарке, радостно улыбувшись. – Не забудьте напомнить ему об этом, если я не успею сказать до вас.

Прихватив ложку, она отправилась в оливковую рощу и съела весь мусс в один присест.

Шоколад немного успокоил нервы. Такой спокойной она не была с утра. Керен побродила вокруг, ища подходящие камни, и наконец соорудила нечто вроде пирамидки. Под ней она спрятала документы, которые предварительно убрала в прихваченный на кухне полиэтиленовый пакет.

Если бы ей так не хотелось пить, она бы так и сидела в оливковой роще и по-прежнему избегала его. Она вышла к бару у бассейна меньше минуты назад, а он уже отыскал ее. Доля секунды – и ее сердце снова начало работать с перегрузкой.

Он скинул рубашку и ходил голым по пояс. Так как Керен была на голову ниже, она могла видеть его великолепный торс во всей красе.

Прислонившись к барной стойке, она решила выбрать меньшее из двух зол и подняла взгляд на его лицо.

– Если я скажу, в следующий раз ты бы знал, где меня искать.

Он подошел ближе; глаза у него сверкнули.

– Ах вот как! Ты, значит, собиралась прятаться все то время, которое мы согласились посвятить разговорам!

Правая нога у нее снова задрожала, и она постаралась встать как можно плотнее и опустила взгляд на его крепкую шею, думая, что смотреть туда безопасно. Но и такой вид пробудил в ней воспоминания, а во рту возник памятный мускусный аромат его кожи.

– Я на разговоры не соглашалась, а в остальном – в яблочко! – сказала она и выпила всю бутылку воды одним глотком, надеясь, что холодная вода прогонит воспоминания о его вкусе и заглушит острое осознание его близости.

Яннис удивленно поднял брови и прищурился, заметив пустую миску. Лишь остатки шоколада указывали на то, что находилось в миске раньше. Керен поставила пустую миску на барную стойку. Он взял миску и почти коснулся ее рукой:

– Неужели ты все съела?

Керен лишь вытерла губы и кивнула. Все чувства обострились от его близости и его аромата.

– Мне ничего не оставила?

Она покачала головой, мысленно приказывая себе встряхнуться.

Он посмотрел на нее с насмешливой укоризной. Но глаза у него сверкали сильнее, наполняя ее воспоминаниями о том, как она видела этот блеск раньше.

– Ты в самом деле меня ненавидишь.

– Я же тебе говорила, – хрипло ответила она.

– Это предназначалось для нашего вечернего десерта.

На сей раз она сначала сглотнула, прежде чем ответить, и голос у нее прозвучал яснее. Сильнее.

– Можешь поверить мне на слово, было вкусно.

Глаза у него сверкнули еще ярче.

– А тебе придется чем-то возместить мне потерю шоколада.

– Лучше прикажи тому, кто увел мою яхту, привести ее назад. Тогда все твои десерты будут в безопасности.

На сей раз он снова удивленно поднял брови:

– Ты намерена портить еду?!

Она прикусила губу, чтобы не хихикнуть.

Яннис обладал чувством юмора. Подобно его сексуальной улыбке, великолепному лицу и сказочному телу, чувство юмора дополняло обаяние, которое окутывало ее.

Он умел ее насмешить и довести до оргазма одновременно; вдруг на нее нахлынули воспоминания о том времени, когда она расхаживала по вилле и парку в одном саронге, под которым ничего не было, а когда он пытался ее схватить, она убегала, смеясь над ним и призывая поймать ее. Она вспомнила, как он поймал ее на этой террасе. Усадил на барную стойку и вошел в нее, а она по-прежнему смеялась...

Она попыталась оттолкнуть воспоминание, но было уже поздно. Внизу живота разгорался огонь. Она с трудом сдерживалась. Еще немного, и она начнет извиваться и выдаст себя.

– Если не пригонишь мою яхту назад, тебе, наверное, стоит повесить замок на дверь кухни. Кто знает, что еще мне захочется попробовать? – сказала она, радуясь, что ее голос звучит уверенно и беззаботно.

– Кто-нибудь тебе понравился во время твоих путешествий? – спросил он.

Облегчение тут же прошло. Она замкнулась:

– Не твое дело!

Он приблизил к ней свое лицо и без намека на юмор сказал:

– Мое, *glyko tou*. Ты моя жена.

Он был так близко, что его теплое дыхание шекотало ей кожу.

Ей захотелось отступить, но сзади уже не было места. Прислонившись к барной стойке, она завела себя в ловушку.

Глядя ему в глаза, она призвала на помощь остатки силы и здравого смысла:

– Только на бумаге. И то, что я твоя жена, не делает меня твоей собственностью.

– Нет, не собственностью, но ты всегда будешь моей.

– Марла в курсе, что ты так думаешь? – Имя личной помощницы слетело с ее губ, прежде чем она поняла, что собирается заговорить о ней.

Он попятился.

– Ты еще с ней? – продолжала Керен, пользуясь случаем перейти в наступление...

Керен забыла, как это имя ее ранило. Ей в сердце как будто вонзили раскаленный клинок.

– Между мной и Марлой ничего не было, – парировал Яннис. – Я тебе уже говорил.

– Я имею в виду – после того, как я ушла, – пояснила она, погрозив ему пальцем. Лучше продолжать говорить и наступать на него. Да, так лучше!

Эмоции, не имевшие ничего общего с желанием, снова вскипали в ней, и она боялась: как только она замолчит, из глаз брызнут слезы. – Очень надеюсь, что ты уже не с ней – и, кстати, не с кем-то другим. Конечно, я понимаю, что, угнав мою яхту и вынудив меня остаться здесь, ты просто так злобно шутишь. С другой стороны, твоей любовнице, наверное, неприятно, что ты играешь в игры со своей женой, хотя уже не живешь с ней, или...

От ярости его красивое лицо перекошилось. В тот же миг его сильная рука обвила ее талию, оторвала ее от земли, прижала к его крепкой груди, и все слова растворились от прикосновения губ Янниса.

Глава 4

Поцелуй оказался страстным. Зверским. И таким же диким был ответ Керен. Она схватила его за плечо, и ее губы разомкнулись, когда их рты слились в жаркой схватке, исполненной безудержной страсти. Наконец, их руки сплелись, а тела так тесно прижались друг к другу, что ничто не могло их разделить.

Может быть, если бы у нее в памяти не было таким свежим недавнее болезненное воспоминание об их совокуплении, полном радости и страсти, Керен на какое-то время забылась бы в безоглядном желании, которое мгновенно выросло словно из ничего. Но когда ее оторвали от земли и усадили на барную стойку, на смену желанию пришел страх. Она отвернулась и уперлась ладонями ему в грудь:

– Отойди от меня!

Яннис сразу же выпустил ее и сделал шаг назад. Тяжело дыша, не мигая и сжав зубы, он смотрел на нее в упор.

Боясь, что ее слова не сочетаются с бушующей в ней страстью, она соскользнула с барной стойки и, поскольку ноги подгибались, пошатываясь, подошла к бассейну и нырнула в воду.

Прохладная вода оказала нужное действие. Она загасила пламя поцелуев Янниса и вернула способность соображать.

Она снова попала в его ловушку. Поцеловала его в ответ. Она выдала себя и дала ему в руки оружие, которым, она не сомневалась, он непременно воспользуется снова.

Прошло так много времени с тех пор, как они были близки, что ее бедное тело реагировало на него, как бабочка на пламя.

Сколько ночей она лежала без сна, мечтая, чтобы он повернулся к ней и занялся с ней любовью?

Сколько раз она прижималась к его спине и обнимала его за талию, но его рука ложилась сверху, не давая ей блуждать? Иногда он подносил ее руку к своим губам и целовал ее, но чаще просто крепко брал ее за руку и засыпал, не произнося ни слова.

В конце концов она оставила всякие попытки. Женщина, которую столько раз отвергали, научилась защищаться.

Клей, который связывал их, растворился.

А потом растворились и они сами.

И теперь ему хватает наглости целовать ее, как будто его желание никогда не умирало!

Или прошло столько времени, что она снова стала для него чем-то новеньким?

Обострившийся здравый смысл притупился в тот миг, как она вынырнула на поверхность и увидела, что он сидит на краю бассейна и смотрит на нее. Желание снова проснулось в ней.

Отвернувшись от его взгляда, она заработала ногами и доплыла до конца дорожки – бассейн у него был большим, спортивным. Доплыв до противоположного конца, она поднялась по лесенке, вышла на траву и без сил повалилась на спину. Закрыв глаза, Керен слушала удары сердца. Дышала она с трудом и сосредоточилась на вдохах и выдохах. Вдох – выдох, вдох – выдох...

Она понятия не имела, сколько времени понадобилось на то, чтобы сердце немного успокоилось.

На нее упала тень.

Сердце снова пустилось в галоп.

Не открывая глаз, она прошептала:

– Уходи!

Судя по движению воздуха, Яннис не обратил внимания на ее приказ и сел с ней рядом.

– Я в самом деле по-прежнему оказываю на тебя влияние, – заметил он.

Злясь на то, что ей нечего возразить, не выставив себя лгуньей, Керен плотно сжала губы. Она не могла решить, что слышит в его голосе – самодовольство, ликование или облегчение.

– Ты не отрицаешь! – Яннис рокоचуще расхохотался.

– Ты навязал мне свое общество, – произнесла она, стараясь вложить в голос побольше холодности.

– Посмотри на мое плечо и скажи, кто из нас кому навязался!

Она открыла глаза и увидела, что Яннис по-прежнему нависает над ней. Многозначительно улыбнувшись, он ткнул себя пальцем в бронзовое плечо с ярко-красными линиями. Вот как она его исцарапала!

Униженная, Керен снова закрыла глаза.

– Прости, – буркнула она.

– Не прощу. Я скучал по твоим боевым ранам.

Она с трудом поднялась и, подтянув колени к груди, обняла их. Услышав такую ложь, она наполнилась горечью, а лицо у нее запылало. Стало ясно: его неожиданный прилив страсти – тоже ложь.

– Если ты еще раз меня поцелуешь, я откушу тебе язык.

– Извращенка!

– Яннис, я не шучу. Мы с тобой больше не вместе, и ты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.